УДК 323.113.01(=161.1) DOI 10.26425/1816-4277-2019-10-34-41

Омельченко Николай Алексеевич
д-р ист. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: *0000-0002-5872-1567*
e-mail: *nik_omelchenko@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ПОЛИТИЧЕСКОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНЫХ ДИСКУССИЙ В РУССКОМ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Аннотация. *Представлена авторская трактовка содержания и сущности идейно-политических дискуссий в русском послеоктябрьском зарубежье 1920-1930 гг. о причинах революционного крушения России, путях и перспективах возрождения национальной российской государственности. Обоснована связь идейных поисков русской эмиграции с центральной для русской общественной мысли проблемой осмысления своеобразия русского политического процесса, особенностей формирования и эволюции национальной политической идентичности. Выявлены причины широкого распространения в эмигрантской среде антидемократических взглядов и убеждений, растущего недоверия к западной демократии и либеральным институтам и ценностям. Дан анализ предлагавшимся русскими эмигрантами политическим проектам и моделям будущей возрожденной России («социального христианства», обновленной монархии), утверждавшим особый путь развития России, отличавшим ее «мещанского» Запада. Сделан вывод о важности этих проектов идеального устройства будущей России для современного государственного развития России, поисков ее новой идентичности.*

Ключевые слова: *политическая идентичность, национальная государственность, русский политический процесс, принципы формальной демократии, идеи социального христианства, модель обновленной монархии.*

Цитирование: Омельченко Н.А. Проблемы национальной (политической) идентичности в контексте идейных дискуссий в русском послеоктябрьском зарубежье//Вестник университета. 2019. № 10. С. 34-41.

Omelchenko Nikolai
Doctor of Historical Sciences, State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: *0000-0002-5872-1567*
e-mail: *nik_omelchenko@mail.ru*

PROBLEMS OF NATIONAL (POLITICAL) IDENTITY IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL DISCUSSIONS IN THE RUSSIAN POST-OCTOBER EMIGRATION

Abstract. *The author's interpretation of the content and essence of ideological and political discussions in the Russian post-October emigration in years 1920-1930 about the causes of the revolutionary collapse of Russia, the ways and prospects of the revival of the national Russian statehood has been presented. The connection between the ideological search for Russian emigration and the central for Russian social thought, the problem of understanding the originality of the Russian political process, the features of the formation and evolution of national political identity, has been substantiated. The reasons for the widespread anti-democratic views and beliefs in the emigrant environment, the growing distrust of Western democracy and liberal institutions and values have been revealed. An analysis of the political projects and models of the future revived Russia proposed by Russian emigrants («social Christianity», a renewed monarchy), which affirmed the special path of development of Russia that distinguished its «philistine» West, – has been given. The conclusion about the importance of these projects of the ideal structure of the future of Russia for the modern state development of Russia, the search for its new identity, has been made.*

Keywords: *political identity, national statehood, Russian political process, principles of formal democracy, ideas of social Christianity, model of a renewed monarchy.*

For citation: Omelchenko N.A. Problems of national (political) identity in the context of ideological discussions in the Russian post-October emigration (2019) Vestnik universiteta, I. 10, pp. 34-41. doi: 10.26425/1816-4277-2019-10-34-41

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31560.

Acknowledgements. The study has been carried out with the financial support of RFBR and ANO EISS in the framework of the scientific project No. 19-011-31560.

© Омельченко Н.А., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

В идейно-политических спорах, размежевавших русскую послеоктябрьскую эмиграцию 1920- 1930 гг. на тех, кто склонен был считать происшедшую революцию в России безусловной катастрофой, и тех, кто желал видеть в ней ряд положительных «завоеваний», вопрос о судьбах демократии в политической истории России и связанная с ним проблема исторической эволюции национальной политической идентичности занимали центральное место.

Значительная часть русской эмиграции, при всей противоречивости в ее идейных позициях и установках, стремилась разобраться в глубинных причинах, понять исторический смысл революционного крушения России. Наиболее прозорливые из русских политических эмигрантов с самого начала указывали на социологическую природу такого катастрофического поворота истории. По замечанию Г. П. Федотова, русскую революцию следует рассматривать, прежде всего, как «социальную революцию», неизбежность которой была предопределена всем ходом политического развития России [20, с.127]. Острые классовые антагонизмы и социальная напряженность, отличавшие развитие страны на протяжении столетий, делали проблематичным медленное ее реформирование в сторону социальной справедливости. Не обладая широкой социальной базой, царская монархия была обречена на поражение.

По мнению П. Б. Струве, многие причины русской революции и ее разрушительного характера следует искать, в первую очередь, в политике русской монархии, приведшей к отчуждению от политического процесса двух главных слоев русского общества – образованной элиты и крестьянской массы, которых царское самодержавие не смогло вовремя «в надлежащей постепенности» привлечь «к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти» [16, с. 26-27].

Политическое бесправие образованных классов в дореволюционной России сформировало у русской интеллигенции устойчивую психологию государственного отщепенчества и безнациональности – единственный, по замечанию Струве, в мировой истории «случай забвения национальной идеи мозгом нации» [7, с.176].

Эти особенности развития, с одной стороны, не воспитали у народных масс «ни вкуса к свободе, ни уважения к собственности». С другой стороны, образованные классы, «выросшие во вражде к государству», от которого они были отчуждены, ставшие жертвой всякого рода абстракций, «особенно социализма», не имели, как писал Струве, в момент революции «достаточного отвращения к своеволию, то есть к попранию права и прав и, главное, самого основного из них – собственности» [14].

Обстоятельное обоснование специфики русского политического процесса, обусловившей катастрофический ход русской революции, мы находим у Г. П. Федотова, посвятившего этой проблеме специальную статью «Революция идет», которую Струве назвал «талантливой статьей способного и знающего историка» [12]. По словам Федотова, на протяжении сотен лет «две силы держали и строили русскую империю: одна пассивная – неисчерпаемая выносливость и верность народных масс, другая активная – военное мужество и государственное сознание дворянства». Проблема заключалась, однако, в том, что со временем оба социальных слоя – дворянство и народные массы оказались в состоянии непримиримой вражды и взаимного отчуждения, которые особенно усилились с момента петровской европеизации, когда народ «стал смотреть на господ как на вероотступников и полунемцев». В этой ситуации только идея царя оставалась, по мысли автора статьи, единственной «скрепой» нации, сохранявшей относительную устойчивость исторической России. В то же время «идея царя» с самого начала строилась на различных основаниях у народа и у дворянского сословия. В отличие от монархизма русского дворянства, в основе которого лежала воспитанная еще Петром I и окончательно сложившаяся в век Екатерины идея «рыцарской верности государю, верность присяге, дворянскому слову» (в этом смысле русский дворянский монархизм можно считать своеобразным аналогом «легитимизма французского дворянства или прусского юнкерства»), народ русский относился к царю религиозно, он видел в царе не живую личность или политическую идею, а помазанника божьего и подчинялся царю не по убеждению, а по доверию [20, с. 128-129]. Именно этот симбиоз «мужицкого царя» с «дворянским государем» создал, по убеждению Федотова, из петербургской императорской власти «абсолютизм, небывалый в истории». Его основным отличием было то, что в сравнении с европейскими королями, вынужденными считаться с личными и корпоративными правами аристократии, и московскими государями, ограниченными (как большинство восточных деспотов) «религиозными верованиями и бытовым укладом народной жизни», – петербургские монархи, «опираясь на монархические чувства народа, могли подавлять дворянство, и наоборот». Но именно здесь, по словам Федотова, и заключалось

основное противоречие, состоявшее в том, что «дворянская империя и мужицкое царство», как принципиально различные идеи, долго сосуществовать не могли. «Московский православный царь в мундире гвардейского офицера» резко контрастировал с идеалом мужицкого царя. Было ясно, делал вывод автор статьи «Революция идет», «когда сознание этого противоречия проникнет в мужицкие головы – все здание рухнет», как рушилось все, что строилось «на искусно прикрываемой лжи» [20, с.129-131]. С другой стороны, как справедливо отмечает Федотов, «народ всегда сохранял убеждение в своем праве на помещичью землю», привык видеть в барине паразита. В этой связи освобождение крестьян, пишет автор, «как ни странно, нанесло первый удар монархическому чувству крестьянства», положив начало разложению тех духовных основ «на которых покоилась старая мужицкая вера» [20, с.154, 156].

Не в меньшей мере катастрофическому развитию событий способствовали, по мнению ряда русских эмигрантов, идейные изъяны в мировоззрении русской интеллигенции – этого оригинального, не имевшего, по словам Н. А. Бердяева, аналогов в истории других стран общественного класса России. Оторванность от почвы, максимализм целей, обусловивший максимализм средств, догматизм и утопизм как характерные черты русской интеллигенции могли не иметь таких разрушительных последствий, если бы в России нашлись силы, способные противостоять этим явлениям, как это было в большинстве европейских стран, где консерватизм народных слоев традиционно умерял радикализм левых слоев общества. На эти особенности русского развития указывали многие эмигрантские авторы: об этом много писал П. Струве, сходные характеристики мы находим у Г. Федотова, С. Франка, П. Милюкова, А. Кизеветтера, М. Вишняка и многих других. По словам известного в эмиграции кадетского журналиста П. Рысса, выпустившего в 1921 г. нашумевшую в эмигрантских кругах книгу «Русский опыт», Россия могла бы избежать многих бед, вовремя создав «класс мелких собственников, той мелкой буржуазии, о которую разбились бы волны будущей революции» [8, с. 7,10].

В идейной жизни русской послеоктябрьской эмиграции наряду с осмыслением причин и трагического опыта русской революции особое место занимал вопрос о выходе России из кризиса, перспективах и путях ее национального возрождения. Считая неизбежным провал произведенного над страной социалистического эксперимента и крушение большевистского режима, эмиграция серьезно расходилась в оценках будущих судеб национальной государственности: какой политический строй должен сменить власть большевиков в России – должна ли это быть возрожденная традиционная русская государственность в виде обновленной монархии или Россия станет по аналогии с европейскими странами современным либерально-демократическим государством, не ждет ли Россию возрождение государственности на принципиально новых основаниях в форме «смешанной» модели власти и управления.

Многие эмигрантские авторы были убеждены, что преодолеть большевизм только политическими средствами и с помощью только демократических лозунгов не представляется возможным. На этой почве широкое распространение в эмиграции получили идеи христианской демократии, основанные на идеалах и принципах «социального христианства», противопоставляемых «формальной» демократии и «безбожному большевизму». Поиски социального и политического идеала будущей России особенно были присущи так называемым «пореволюционным» течениям русского зарубежья.

Оригинальное обоснование эти поиски идеального устройства будущей постбольшевистской России получили в публикациях журнала «Новый град», содержательно и идейно примыкавшего, по мнению многих современников, к христианско-консервативному направлению общественной мысли русского зарубежья. От множества других изданий, издававшихся в эмиграции, журнал отличали не только оригинальность и свежесть подходов к животрепещущим проблемам современности, но и искреннее желание редакторов и авторов журнала подняться над духом неприязни и вражды, преобладавших в идейной жизни русской послеоктябрьской эмиграции. Эти особенности журнала, равно как и стремление его основателей критически переосмыслить изъяны «романтического эмигрантского антибольшевистского активизма» обусловили острую неприязнь и крайне негативное отношение к новому изданию у подавляющего большинства политически активной эмиграции. В немалой степени неприязнь к журналу вызывал также ряд содержавшихся в «Новом граде» спорных характеристик политики большевистской власти в России.

Основной идеей, объединявшей большинство авторов «Нового града», была идея поиска социальной правды в христианском идеале, необходимости соединения этой правды с духом христианства, с одной стороны, личной свободы западных демократий с духовной традицией России – с другой. На этой основе

конструировался идеальный строй будущей России, который рисовался авторами «Нового града» в виде «трудовой», «социалистический» государственности, отвечающей соборным традициям русского народа. По справедливому замечанию М. Карповича, авторы «Нового града» искренне пытались «соединить то, что обычно было «славянофильской» философией, с тем, что обычно бывало «западнической» политикой», стремясь обосновать «нечто среднее между социально-политическим консерватизмом «правых» кругов эмиграции и социальным радикализмом «левой» эмиграции» [6, с. 270].

Следует сказать, что отстаиваемые «новоградцами» идеи «социального христианства» разделялись в то время многими эмигрантскими авторами, продолжавшими в русском зарубежье религиозное возрождение начала XX века. И если одни авторы стремились обосновать идею истинной «теократии», считая ее наиболее отвечающей духу будущей возрожденной российской государственности, то другие видели будущее страны в творческом преображении России на основе христианских критериев, указывая на положительные сдвиги в сфере социальных отношений, произведенные русской революцией.

Идеи «социального христианства» занимали особое место в творчестве одного из основателей теории «христианского социализма», крупнейшего представителя русской религиозной мысли о. Сергия Булгакова, считавшего, что после падения «безбожного» социализма с его максималистской установкой «единым хлебом живет человек» придет в России «вдохновение любви и социального равенства» социализма «христианского». По мнению мыслителя, этот исход заложен в общей идее Церкви и соборном духе православия («что зовется на языке мирском демократизмом»). Эта тема была центральной также в ряде других эмигрантских публикаций, в первую очередь в работах Н. А. Бердяева.

В заслугу авторам «Нового града» следует поставить последовательную защиту свободу личности и ее прав. На этой почве формировалось в целом отрицательное отношение «новоградцев» к набиравшему силу европейскому фашизму, находившего идейную поддержку у многих в русском зарубежье на фоне отрицательного отношения эмигрантских авторов к европейской формальной демократии и европейскому либерализму. Большое внимание авторы «Нового града» уделяли будущему политическому устройству посткоммунистической России. Идеальной представлялась форма «авторитарной демократии», основной особенностью которой должна стать сильная и независимая исполнительная власть. Мысль о преимуществе сильной президентской власти в республиканской России обосновывалась Ф. А. Степуном в статье «Идея России и формы ее раскрытия» [9]. Эта же идея была основной в статье Г. П. Федотова «Падение советской власти» [18].

Сказанное не должно вводить нас в заблуждение, будто взгляды авторов «Нового града» были лишены каких-то серьезных противоречий и что критики журнала были излишне предвзяты в своих оценках этого идейного течения. Спорным представлялось, прежде всего, стремление ряда авторов «Нового града» приписать большевизму «религиозную природу». Как вспоминал редактор эмигрантского эсеровского журнала «Современные записки» М. Вишняк, стремление «новоградцев» отыскать религиозный пафос у большевиков перед ужасом творящейся в России большевистской диктатуры с самого начала вызывало у большинства эмигрантов «нравственное возмущение и протест». Серьезной критике подвергалась сама попытка политизации религии (в данном случае христианства), прямо вытекающая, как считали многие в эмиграции, из концепции «христианского государства», из требования христианизации политики и культуры. Вторжение политики в религию «не менее вредно, чем вмешательство религии, а тем более церкви в политику». Точно так же, как следует признать неправым социализм, замечал в этой связи Вишняк, «когда он упраздняет все исторические религии и провозглашает себя новой религией», «не более права» и сама церковь, «когда она втягивается в борьбу за чуждую ее природе власть», ибо от того, что православие окажется с самодержавием народа, а не с самодержавием царя, «структурное сходство обеих формул не колеблется» [2, с. 412, 414, 419]. Характерно, что, публикуя много лет спустя статью «Новоградские» размышления», Ф. Степун вынужден был признать, что защищаемое им ранее «христианское государство» в точном смысле этого слова, «конечно, утопия»: «Государство, которое отказалось бы от сопротивления злу силой и решилось бы точно придерживаться евангельской этики, привело бы только к усилению зла в мире» [10, с. 46].

В более внимательном рассмотрении нуждаются взгляды и позиции эмигрантской организации «Союза младороссов», занимавшей особое место среди «пореволюционных» направлений и течений в эмиграции. В сравнении с евразийцами и национал-максималистами, принадлежавшими к более старшему поколению эмигрантской молодежи, «Союз младороссов», преобразованный позже в Младоросскую партию, «был первым

большим идейным и политическим движением, всецело созданным «эмигрантскими сыновьями» [1, с. 51-52]. Многих современников и более поздних исследователей русской эмиграции подкупали то «всеобщее внимание» и те симпатии, с которыми отнеслась к появившейся на политической арене новой организации большая часть русского зарубежья [4]. Тот же Н. Бердяев, не жаловавший организации, замешанные на политическом антибольшевизме, должен был признать, что «в эмиграции только три течения интересны: национал-большевизм, евразийцы и младороссы» [21].

К несомненным достоинствам этой талантливой и, по мнению многих, «национально мыслящей молодежи» относилось ее страстное желание служить возрожденному отечеству и ее верность религии и идеям нации, ее повышенное чувство государственности. Выступления многих младороссов отличались свежестью мысли, духом исканий и, как считал Г. Федотов, направлением, «в котором велись эти искания» [17, с. 183]. На состоявшемся в 1923 г. своем первом съезде, который закончился учреждением «Союза молодой России» (с 1925 г. переименован в «Союз младороссов») младороссы провозгласили требование возвращения человеческого общества «к заветам Христа и вечным непререкаемым идеалам», оздоровления быта, объединения «сильных духом людей на началах здорового национализма и патриотизма». Была поставлена задача воспитания молодежи «в духе Православной веры, любви к родине, братской дисциплины и рыцарской чести».

В то же время ряд положений, выдвигаемых и защищаемых идеологами «Союза младороссов», вызывали резкое неприятие и критику в эмигрантской среде. К числу спорных положений и опасных преувеличений, большинство идейных оппонентов младороссов склонны были относить наряду с излишне резкой критикой младороссами идей и принципов формальной демократии, весьма двусмысленную, с точки зрения многих эмигрантских авторов, оценку младороссами идеологии и политической практики большевистского режима. С одной стороны, теоретики «новоградства» были убеждены, что именно развитие «антинациональных либеральных и демократических течений, подточив государственность, расчистило дорогу наступательному социализму и его логическому завершению – современному коммунизму». В то же время, искренне веря, что большевистская «интернационалистическая революция уже перерождается в национальную», а сами большевики «не только узурпаторы народной воли, но и ставленники народной стихии», младороссы доказывали, что «живым национально-консервативным силам» в эмиграции «уже не по пути с реакцией». «Для нас, зарубежных националистов, – указывал в 1931 г. глава младороссов А. Л. Казем-Бек, – вопрос идет не о борьбе с национальными внутренними силами, а о борьбе со сталинской верхушкой ради национального возглавления России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна. Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы пока под коммунистическим флагом, делает национальное дело... Наш единодушный путь – национальная революция» [1, с. 56].

Подобная позиция младороссов в отношении большевистского режима не могла не встретить осуждения со стороны политически активной, не исключая даже их бывших сторонников и почитателей. Не только П. Струве язвительно отмечал, что «заигрывая и кокетничая» с большевизмом, младороссы «даже свой печатный орган в подражание большевикам наименовали «Младоросской искрой» [13]. О «глубоких внутренних опасностях у младороссов» писал Ф. Степун. Разделяя ряд положений представителями «пореволюционной» молодежи относительно характера и сущности большевизма, философ в то же время указывал на стремление младороссов «как можно скорее смастерить действенное, религиозно-нравственное и социально-политическое миросозерцание», приведшее его авторов к некоей идеологической эклектике, «сшитой на живую нитку из обрезков Хомякова и Достоевского, Муссолини и евразийцев, Льва Тихомирова и А. Блока». Спорным и в известной степени поверхностным считал Ф. Степун и «запал» младороссов «против демократической Европы и всеевропейского мещанства». Философ выражал уверенность, что сами младороссы «скоро поймут, что право по существу не реакционно» и что «сущность народовластия вовсе не в подсчете голосов», что «антисемитизм никак не может быть полезен для национального русского дела» [11, с. 547-548].

Важное значение в контексте исследуемой проблематики имели споры вокруг проектируемой младороссами модели обновленной монархии, или социальной монархии (иногда она именовалась «природной монархией»), которая предлагалась младоросскими идеологами в качестве формы правления будущей возрожденной России. Критику вызывало, прежде всего, стремление младороссов, позиционирующих себя последовательными «монархистами-легитимистами», соединить идею монархии с признанием советской политической системы, что нашло свое выражение в известном лозунге «Царь и Советы!». По мнению

П. Струве, считавшего несовместимыми сами понятия «большевизм» и легитимизм», младороссы хотели «шапкой Мономаха увенчать вавилонскую башню большевизма» – задание «столь нелепое, что его трудно критиковать» [15].

По мысли Федотова, проектируемая младороссами монархия могла бы облегчить «трудную задачу построения российского союза»: народы «менее подозрительны к чужеземной династии, чем к гегемонии чужого народа». «В том демократическом разливе, который грозит затопить в России все культурные высоты», независимая монархия могла бы, по мнению философа, стать «спасительным островком не только для родовой, но и духовной аристократии». Однако, все это «мечты во вкусе XVIII века». В России XX в. они «неизбежно обернутся вредной или политической утопией» [19, с. 480-481].

Как следует из сказанного, вопросы национальной политической идентичности в контексте задач возрождения исторической российской государственности занимали важное место в идейной жизни первой послеоктябрьской эмиграции. Споры вызывал не только вопрос о государственном строе и формах правления будущей возрожденной России и связанные с этим вопросом возможности возрождения России на путях «христианской государственности или исторической монархии, противопоставляемые западной «формальной» демократии и «почвенническому» большевизму. Проблематичным оставался также вопрос о русском народе как носителе монархического сознания. Как отмечал в этой связи Г. П. Федотов, в быстром и практически бесследном исчезновении монархической идеи заключалась одна из главных особенностей русской революции. На это указывал тот факт, что в отличие от революционной Франции «Россия не имела своей Вандеи». Ни одно из антибольшевистских движений, возглавляемых монархистами, «не решалось поднять открыто монархического знамени». Даже церковь поспешила «отмежеваться от монархии, с которой была связана тысячелетиями» [19, с. 481-482]. И, напротив, все, что делало проблематичной монархию в России, укореняло в ней, по мнению Федотова, республиканскую форму правления. Прежде всего потому, что эта форма правления не требовала «ломки в народном сознании». За нее был дух простоты, которая всегда владела народной душой и с которой «прекрасно вяжется мужицкая республика, возглавляемая Калининым». Однако здесь, по мысли автора, следует искать и самую большую опасность для республики, ибо «рационалистическая концепция республики, как удобная форма демократии, делает ее идеологически слабой в столкновении с мистикой монархической власти». В то же время марксизм не создал и не мог создать никакой «идеологической порфиры для народовластия». Он лишь «подрывает ее мистику, борясь с идеей народной воли». Остается надеяться, делал вывод философ, что будущие поколения, «погружаясь в традицию, создавая духовные основы республики», смогут найти для народовластия «религиозное освящение» (ибо рационализм не связан так жестко с республикой, как мистика с монархией) [19, с. 482-484].

Сложным и неоднозначным было отношение русской послеоктябрьской эмиграции к западноевропейским демократическим режимам и институтам, критикуемым русскими эмигрантами за их духовную, как многим казалось, «ущербность» и отсутствие объединяющей идеи.

Как отмечал И. А. Ильин, русской эмиграцией тяжело переживались «тягостные» месяцы семнадцатого года, «обреченность этого безволия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с истерической мечтательностью» [5, с. 373]. Даже в поражении германской демократии, в антидемократическом циклоне, бушующем над Европой и приведшем к чудовищному попранию прав личности, многие русские эмигранты склонны были искать «не реабилитации русской демократии, а изобличение всякой демократии как системы». Ибо если демократия не предохранила от погрома инакомыслия и разгрома культуры, то какова ей цена? Если Гитлер пришел к власти легально, на выборах – «не свидетельствует ли это против системы всеобщего голосования?» [3, с. 393].

Во многом именно в этом разочаровании в демократических институтах и ценностях следует искать причины ретроспективной идеализации русскими эмигрантами дореволюционного прошлого, увлекавшей многих из них к «родным осинам», к разным видам автократии. По свидетельству В. Варшавского, убеждение в утопичности русского конституционализма разделялось в то время большинством эмиграции. На этом была основана ненависть к левой интеллигенции, особенно к ее вождям Керенскому и Милюкову, «олицетворявшим приведшие к гибели России «маниловские» мечтания о демократии» [1, с. 41].

Библиографический список

1. Варшавский, В. С. Незамеченное поколение. Репринт. воспроизв. Нью-Йорк, 1956. М., 1992. – 384 с.
2. Вишняк, М. В. Политика и миросозерцание (О «русском социализме») / Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. – С. 412, 414, 419.
3. Вишняк, М. Против течения / Современные записки. Кн. LII. – 1933. – С. 393.
4. Зайцев, К. И. Младороссы и монархическая идея // Россия и славянство. – 1931. – 7 ноября.
5. Ильин, И. А. Памяти Новгородцева / Русская мысль. Кн. IX–XII. – 1923-1924. – С. 373.
6. Карпович, М. Г. П. Федотов // Новый журнал. – 1951. – № 27. – С. 270.
7. Пайпс, Р. П. Б. Струве о русской революции // Вестник русского христианского движения. – 1978. – № 126. – С. 176.
8. Рысс, П. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. – Париж, 1921. – С. 7, 10.
9. Степун, Ф. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. – 1934. – № 8. – С. 23.
10. Степун, Ф. А. «Новоградские» размышления / Опыты. Кн. VII. – 1956. – С. 46.
11. Степун, Ф. Рец. На кн.: К молодой России: Сб. младороссов. 1928 // Современные записки. – 1928. – Кн. XXXVII. – С. 547-548.
12. Струве, П. Б. Дневник политика // Россия и славянство. – 1929. – 20 июля.
13. Струве, П. Б. Дневник политика // Россия и славянство. – 1931. – 27 сентября.
14. Струве, П. Б. Клич к освобождению Реакция под личиной революции // Россия и славянство. – 1932. – 1 декабря.
15. Струве, П. Б. От Карамзина до младороссов // Россия и славянство. – 1932. – 2 апреля.
16. Струве, П. Б. Размышления о русской революции. София, 1921. – 34 с.
17. Федотов, Г. Искания младороссов // Новый град. – 1938. – № 13. – С. 183.
18. Федотов, Г. Падение советской власти // Новый град. – 1932. – № 5. – С. 3-20.
19. Федотов, Г. П. Проблемы будущей России // Современные записки. Кн. XLV. – 1931. – С. 480-481.
20. Федотов, Г. П. Революция идет / Судьба и грехи России. Т. III. – СПб., 1993. – С. 127.
21. Цуриков, Н. Русская молодежь за рубежом (опыт политической характеристики // Россия и славянство. – 1931. – 10 января.

References

1. Varshavskii V. S. Nezamechennoe pokolenie. Reprint. vosproizv [*Unnoticed generation. Reprint reproduction*], New York, 1956. M., 1992, 384 p.
2. Vishnyak M. V. Politika i mirosozertsanie (O «russkom sotsializme») [*Politics and Worldview (About «Russian Socialism»)*], Sovremennye zapiski [*Modern Notes*], 1928, V. XXXVI, pp. 412, 414, 419.)
3. Vishnyak M. Protiv techeniya [*Against the tide*], Sovremennye zapiski [*Modern notes*], 1933, V. LII, 393 p.
4. Zaytsev K. I. Mladorossy i monarkhicheskaya ideya [*Young-Russians and the Monarchist Idea*], Rossiya i slavyanstvo, 1931, Nov. 7.
5. Il'in, I.A. Pamyati Novgorodtseva [*In memory of Novgorodtsev*], Russkaya mysl' [*Russian Mind*], 1923-1924, V. IX-XII, 373 p.
6. Karpovich M. G. P. Fedotov, Novyi zhurnal [*New Journal*], 1951, I. 27, pp. 270.
7. Payps R. Struve P.B. O russkoi revolyutsii [*About the Russian revolution*], Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya [*Bulletin of the Russian Christian movement*], 1978, I. 126, pp. 176.
8. Ryss P. Russkii opyt. Istoriko-psikhologicheskii ocherk russkoi revolyutsii [*Russian experience. Historical and psychological outline of the Russian revolution*], Paris, 1921, pp. 7, 10.
9. Stepun F. Ideya Rossii i formy ee raskrytiya [*The idea of Russia and the forms of its disclosure*], Novyi grad [*New City*], 1934, I. 8, p. 23.
10. Stepun F. A. «Novogradskie» razmyshleniya [«*Novograd*» *reflections*], Opyty [*Experiments*], 1956, V. VII, 46 p.
11. Stepun F. Rets. Na kn.: K molodoi Rossii: Sb. mladorossov. 1928. [*Book Review: Towards Young Russia: A Collection of the Young-Russians 1928*], Sovremennye zapiski [*Modern notes*], 1928 V. XXXVII, pp. 547-548.
12. Struve P. B. Dnevnik politika [*Politics Diary*], Rossiya i slavyanstvo [*Russia and Slavism*], 1929, July 20.
13. Struve P. B. Dnevnik politika [*Politics Diary*], Rossiya i slavyanstvo [*Russia and Slavism*], 1931, September 27.
14. Struve P. B. Klich k osvobozhdeniyu. Reaktsiya pod lichinoi revolyutsii [*The cry for liberation. Reaction under the guise of a revolution*], Rossiya i slavyanstvo [*Russia and Slavism*], 1932, December 1.
15. Struve P. B. Ot Karamzina do mladorossov [*From Karamzin to the Young-Russians*]. Rossiya i slavyanstvo [*Russia and Slavism*], 1932, April 2.

16. Struve P. B. Razmyshleniya o russkoi revolyutsii [*Thoughts about Russian Revolution*], Sofiya, 1921, 34 p.
17. Fedotov G. Iskaniya mladorossov [*Searches of the Young-Russians*], Novyi-grad [*New City*], 1938, I. 13, p. 183.
18. Fedotov G. Padenie sovetskoi vlasti [*The fall of Soviet power*], Novyi grad [*New City*], 1932, I. 5.
19. Fedotov G. P. Problemy budushchei Rossii [*Problems of the Future of Russia*], Sovremennye zapiski [*Modern Notes*], 1931, V. XlV, pp. 480-481.
20. Fedotov G. P. Revolyutsiya idet [*The revolution is on*], Sud'ba i grekhi Rossii [*The fate and sins of Russia*], St. Petersburg, 1993,V. III, 127 p.
21. Tsurikov N. Russkaya molodezh' za rubezhom (opyt politicheskoi kharakteristiki) [*Russian youth abroad (experience of political characteristics)*], Rossiya i slavyanstvo [*Russia and Slavism*], 1931, January 10.